

НИК ПЕРУМОВ

ЗЕМЛЯ БЕЗ РАДОСТИ

Хроники Хьёрварда

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

Земля без радости

«Феникс»

1996

Перумов Н.

Земля без радости / Н. Перумов — «Феникс», 1996 — (Миры Упорядоченного)

ISBN 978-5-222-37083-4

Орда ужасных монстров прорывается с Севера на Юг – к границам эльфийского государства Эльфран. Чудовищ создали Новые Маги – новое Поколение Истинных Магов, более слабое, чем все предыдущие. Противостоять им предстоит сотнику Аргнисту, гному Двалину и эльфийской принцессе Эльtare.

ISBN 978-5-222-37083-4

© Перумов Н., 1996

© Феникс, 1996

Содержание

Пролог	5
Часть шестая	7
Глава I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ник Перумов

Земля без радости

*Весь мир сошел с ума.
Чума повсюду.
И в ней повсюду –
Буйные пиры.*

Адольф Галланд

Пролог

По залитой кровью траве смертного поля шли семеро. Четверо мужчин и три женщины. Все были измучены, мужчины вдобавок изранены. Они не знали, кто бился здесь, в этой реальности, чьи рати сошлись на поле брани и кто победил. Они оказались здесь случайно.

– По-моему, это Белоста, – нарушил тягостное молчание один, высокий и светловолосый, со странными белыми глазами без зрачков. Они казались заполненными чистым белым пламенем. Грудь у мужчины была разворочена, и непонятно было, как он ухитряется идти с такими ранами как ни в чём не бывало.

– Белоста... – эхом откликнулся низкорослый, смуглокожий крепыш. – Ты прав, брат. Это она. Я узнал...

– Мир демонов, – низким, грудным голосом произнесла молодая женщина, крепкая, коренастая, широкобёдрая. – Я бывала тут... и даже кое-что позаимствовала.

– А чья это идея – отправиться сюда? – вновь задал вопрос белоглазый.

– Похоже, мы все подумали в тот миг об одном и том же, – усмехнувшись, ответил смуглый.

– И стали... почти что людьми, – брезгливо проворчала женщина. Вторая спутница – тонкая, словно растущий побег, с копной непокорных соломенного цвета волос – по-прежнему хранила молчание.

– Это ничего, Ятана, – смуглолицый положил руку на плечо говорившей. – Могло быть гораздо хуже.

– Да и никакими людьми мы не стали, – вступил в разговор ещё один, высокий и черноволосый, с быстрыми, порывистыми, точно ветер, движениями, – разве ты не чувствуешь, сестра?

– Да, Ямбрэн, людьми мы не стали, – подхватил огненноглазый. – И это внушает надежду.

– Красиво говоришь, брат Ямерт, – отозвался Ямбрэн. – Тогда, помнится, ты не счёл нужным обратить внимание кое на что... и вот мы все здесь, и говорим словами, и принуждены идти, а не лететь, и для нас закрыт Астрал...

Вместо ответа Ямерт остановился и пристально взглянул на недалний холм, лысый и каменистый. Склоны тотчас же охватило бушующее пламя; ещё миг – и оно опало, повинувшись слабому движению брови хозяина.

– Не думай, будто меня убедят твои фокусы, братец, – тихо произнесла светловолосая спутница, на вид казавшаяся самой юной. – Хватит огня и крови. Я не участвовала в той войне и хочу вернуться.

Все остальные замерли, изумлённо уставившись на говорившую.

– Ты сошла с ума, Ялини, – медленно проговорила Ятана. – Вернуться – куда и кем? И, главное, под чью власть? Этих выскочек узурпаторов?

– Мне плевать на них! – резко бросила Ялини. – Пока вы стонали и охали, я попросила... кое-кого. И моя просьба была исполнена. Мне назначили испытание. Я ухожу. Ятана и вы, братья, прощайте! И если окажетесь по-настоящему мудры, вы не станете мстить.

– Что она такое несёт? – взорвался Ямбрен.

– Прощайте, – повторила Ялини. Шагнула вперёд, молитвенно вскинула руки и... растаяла в воздухе.

А на месте, где она только что стояла, прямо из разверзшейся бездонной пустоты насмешливо взглянули на ошеломлённую шестёрку два очень странных зеленоватых призрачных глаза – о четырёх зрачках каждый.

Моей жене Ольге

Часть шестая

Глава I

Стылая зимняя ночь. Хрустальные огоньки звёзд кажутся нацеленными в тебя злыми, несущими смерть оголовками стрел. Вдохнуть невозможно – мороз обжигает горло. Низко-низко над замершей, точно от страха, землёй мчатся подгоняемые незримыми бичами бешеных ветров обезумевшие, дикие тучи. Из распяленных, косматых тел опускаются вниз тёмные воронки-хоботы смерчей, будто облака жадно сосут из земли остатки с таким трудом сбережённого тепла.

Стылая зимняя ночь. Нет спасения ни в лесу, ни в поле, и даже огонь не защитит – напротив, предаст, подманив к твоему ночлегу неотвратимую Смерть. Всё живое, ещё оставшееся в этих краях, уже давно забилося в логовища – неважно, берлога ли это под корнями вывороченной сосны или обнесённый частоколом хутор. Кто не успел, того к утру не станет. Таков закон. Такова плата. С нею все согласны. А которые несогласны были... попытались когда-то, говорят, драпать на юг, да только все на Костяных холмах и сгинули. Собственно, с тех пор гряду и прозвали Костяной – черепа да рёбра до сих пор ветер по увалам катает. Никто не ушёл. Старуха-смерть своего не упустит.

Стены хором сотрясаются под напором ветра. Сотрясаются, несмотря на два слоя брёвен и торфяную подушку меж ними. По углам уже разлеглась изморозь, хотя в обеих печах и при-дверном очаге вовсю исходит синим огнем гномий горяч-камень, за немалую цену и с великим риском доставленный летним водным путём с гор Ар-ан-Ашпаранга. Дальние горницы и светлицы давно покинуты. Вся большая семья от мала до велика здесь, возле громадных печей. За перегородкой – скотина, ей тепло нужно не меньше. А коли падёт корова или, скажем, дойная лосиха, считай, половина ребятишек до весны не дотянет.

В просторной избе тихо. Только негромко позвякивают в лад струны на старом гареке в руках старика Фиорга. Один он умеет отогнать – пусть ненадолго! – гнетущую тоску этих ночных часов, когда снаружи вовсю ярится буря; а это значит, что Орда вновь вышла на большую охоту.

Фиорг начинает песню. Она тягуча и протяжна, эта песня, голос старика дребезжит и срывается, однако его все слушают, затаив дыхание. Он один умеет оживить гарек. А люди крепко помнят былое пророчество, что за немалые деньги изрёк проходивший мимо странствующий эльф-гадатель: «Доколе звучит гарек, дотоле стоять стенам Аргниста!»

Аргнист – это хозяин хутора. Сам он нездешний. Был когда-то сотником королевского войска, служил на юге, в самом зелёном Галене, где, болтают, море даже в лютовьютне не замерзает. А сюда попал, когда двинул его величество полки на Орду, думая покончить дело одним махом, да только и сам тут остался, и войско его почти всё здесь полегло. Аргнист уцелел чудом. А назад пробиться уже путей не было... Однако мужик оказался не из хилых – сумел к людям выйти, а потом и хозяйством обзавестись. Ну а за Защитником дело не стало...

Дверь скрипнула. Створка медленно отворилась, и из холодных, выстуженных сеней ворвался клуб пара. Через порог медленно перебиралась мохнатая шестиногая туша размером с пару самых здоровенных быков, туше поспешно уступили дорогу.

Защитник обессиленно вытянулся возле самого огня, протянув иззябшие щупальца и лапы к огню. Клешни прятались в меховых сумках по бокам и оттого не столь сильно страдали от холода. Большие лиловые глаза слезились, шерсть на черном носу превратилась в частокол жёстких сосулек. Он опрокинулся на спину, задрал вверх все шесть лап, и бабы по лёгкому

знаку Аргниста тотчас потащили ушаты с горячей водой и чистые тряпки. Ежели Защитник себе лапы поморозит или там собьёт, хутору, считай, уже не жить.

Трое детишек лет десяти-одиннадцати, все худые, в ранних рубцах и шрамах на лицах, бросились вычёсывать густую и длинную белую шерсть. Тоже дело серьёзное. Вшей там или блох снежных – этого Защитник не переносит. Сон теряет, покой, аппетит, а это значит – не выдержит первой же схватки, ежели, к примеру, с откормленным хоботярой столкнётся.

– Эй, эй, там, ручек-то не жалеть! – прикрикнул на ребятишек Аргнист, но больше не по необходимости, а так, для порядка. Парнишки и без того старались вовсю, девочка, как могла, пыталась не отставать, то и дело сдувая лезущую в глаза непослушную золотистую прядь. Отменная выйдет хозяйка, и продать её уже по весне, коли доживёт, можно будет дорого...

Арталег, средний сын хозяина, поднялся, подтащил к придворному очагу лопату угля. Арталег, он громадный, точно медведь-варкис, и такой же волосатый. И до баб жадный. Своя жена, Саата-травница, с пузом ходит, так он теперь, что ни вечер, кого-то в сених наяживает. Холод дикий, зубы лязгают, а ему ничего. Задирай, баба, юбки да нагибайся – и всё тут. И нагибаются. А что подделаешь? Сын хозяина всё-таки...

А что с лопатой сам пошёл, то дело понятное. Уголь, он в зимнюю пору дороже бывает и хлеба, и пушнины. Наймиту подбрасывать не поручишь: того и гляди, сопрёт кусок прямо из огня – в клетушке своей потом печку гонять, девку мять, богов ложных тешить...

Тихо в покое. Лишь струны гарека тренькают. Играет Фиорг недурно, да только что ж опять всё без слов?..

Саата, что сидела подле самой печи с ещё тремя непраздными, как и она сама, молодыхами, вздрогнула. Тонкими ладонями с длинными пальцами, какими бы золотом вышивать, а не вилами орудовать, – тонкими ладонями прикрыла лицо, тяжело задышала...

Обмерли все. Саата, говорят, не просто травница, а едва ли не самая настоящая ведьма, и потому силой своей бесовской Орду завсегда чувствует. Ну, сейчас решится всё – к нам? Не к нам?

Фрафт-золотарь с женой своей тоже глаза закрыли – вроде как молятся. Понятное дело – третий хутор за два месяца сменили!.. Неужто и теперь?.. И Защитник, надежда всеобщая, тоже встрепенулся. У него доля совсем тяжкая: замёрз не замёрз, но коли уж подвалила Орда – поднимайся и выходи. Работу твою за тебя никто не сделает.

Жуткая тишина в горнице. Слышно, как мыши скребутся. Хотя нет, и они примолкли. Если что, и им не уцелеть. Значит, верно – Смерть совсем рядом. Ну, сейчас...

Защитник вдруг весь обмяк как-то, шупальца вновь к огню протянул. И все разом выдохнули – да неужто?! Неужто подвезло наконец-то?

И верно – пронесло, защитили Боги Истинные, Хедин с Ракотом Милостивцем. Отвели беду. Саата вздохнула, на лавке откинулась... Мимо Орда прошла.

Ух, зашевелились-то как, зашебурились! Кое-кто засмеялся. А вот молодой Капрод к Лиисе за пазуху полез на радостях. Того и гляди, завалит сейчас, прямо при всех... А что? Это он может. Да и понятно – когда Орда в сторону от твоего хутора сворачивает, ещё не такое выкинешь. А делать сейчас больше нечего. Нет, руки-то почти у всех заняты – кто древки стругает, кто оголовки насаживает, кто мечи с топорами острит, кто верёвочку вьёт... Бабы – те прядут или вяжут; грудничкам Саата отвара сонного сварила, а детишек постарше тоже к делу приставляют. Но работы настоящей, мужской, нет, пока буря не кончится и дом выстужать не перестанет. Вот в такие вечера и строгают детишек все, кому не лень, – просто от скуки да чтобы страх заглушить...

Но ежели не к нам, то к Нивену? Орде здесь иной дороги нет. В эдакую ночь если уж её Властелин Чёрный, Безыменец проклятуший, из лежбищ повыгонял, то, тёплой крови не напившись, Орда спать не уйдёт. У неё тоже ведь просто – человека не изловил, значит, ослаб. Вечером или утром тебя свои же сожрут.

– Алорт! – Голос у Аргниста зычный, сильный, привык сотней своей командовать, так с тех пор никак отучиться не может. Уж сколько раз из-за голоса своего громкого в беду попадал – не перечесать! – Открывай заслонки. Передний хлев с конюшней обогреть, как обычно. Эй, пузочёсы! Хватит баб щупать! Кушаки подвязывай да мечи надевай. На всяк случай. Кто его знает, как оно у Нивена ещё повернётся...

Таков он, Аргнист-сотник, неуёмный, хотя уж на шестой десяток перевалил. Мужиков поднимает, хотя никто ещё «караул!» и не кричит. С Ордой драться – на то Защитники есть. Хотя, бывает, и они не справляются, тогда уже мужикам хуторским за мечи да секиры с копьями браться приходится. Ну а коли дела совсем плохи, за подмогой к соседям посылают. Правда, если уж ты её, подмогу эту, вызвал, то готов будь, что сосед плату потребует: леса ему подвезти, частокол обновить или девку пригожую замуж за парня своего выдать. Впрочем, если он, сосед твой, в свой черёд о помощи попросит, ты с него то же самое сможешь потребовать...

Недовольны мужики. Но хозяину никто не перечит. Невелик труд – воинскую справу надеть, а потом снять. Ладно, ничего. Пускай. Зато справедлив хозяин: и долю урожая не зажимает, звонкой деньгой отдаёт, не то что Нивен-сквалыга. Тот, говорят, своим, было дело, брёвнами долю предлагал. Берите, дескать, да продавайте – моя какая забота? Чем долю платить, ни в каком Своде не сказано...

Но сейчас, коли сосед в беде, каким бы он ни был, надо выручать. Потому как один на один с Ордой останешься – никакие Защитники не помогут. Вот и надевают мужики воинскую справу, натягивают тёплые, шерстью местных овец стёганные подкольчужницы, поверх – железные кольчатые рубахи, в большинстве своём гномами кованные. Аргнист – хозяин не бедный и на оружие для своих денег не жалеет. Потому как на золотой поскупишься, потом жизнями расплатишься. Вот как Нивен, к примеру. Доспех у подгорных мастеров одному себе заказал, остальные кто чем довольствуются. Ну и гибнут, конечно же, гибнут, гибнут, гибнут... И-эх, да что ж это за жизнь у нас такая распроклятая! Да откуда ж на наши головы Орда эта такая-разэтакая!.. Бают ведь старики: было время, когда про эту самую Орду никто и слыхом не слыхивал...

Прогремело по горнице оружие – и вновь тишина. Дети молчат, только глазёнки испуганные поблескивают. Чей батянька к утру бездыханным в снег ляжет? Бабы многие губы кусают, глаза – уже видно – слезами набухли. Двинутся мужики за порог – такой вой поднимется!.. Хорошо ещё, Деера, хозяйка, Аргниста, значит, супруга законная, им пример не подаёт. Известное дело – жена сотника быть на людях по мужу, на брань уходящему, никак не должна. Вот и сейчас – подошла к Аргнисту, высокая, прямая, чинно поцеловала в уста, поклон отбила и отошла. Дел немерено, некогда прощания тянуть, душу рвать, горе слезами заливать.

И снова тишина. Только ветер снаружи воет – ну ровно кошка, которой на хвост наступили. Ожидание – пытка лютая. Скорее бы уж! Сколько в горнице глаз – все на Защитника смотрят. Он спокоен, ему-то что – не его хутор атакуют, значит, можно у печи греться. Аргнист своего меньшего, Армиола, наверх погнал, на дозорную вышку, значит. Хутор Нивена хоть и за лесом, а вышку соседскую всё равно видно – ну, если день на дворе, конечно. А на случай ночной атаки тоже всё необходимое имеется – рогожами тщательно укрытый горючий порошок. Тоже от гномов. Его и на подступающую Орду хорошо сыпать, и сигналы соседу подать. Горит так ярко, что видно сквозь любую хмарь, факелом только в рогожу ткни – и на всех окрестных хуторах тотчас узнают, что дело плохо и нужно слать подмогу.

...Армиол выскочил на узкую, раскачивающуюся под напором ветра дозорную площадку. Закрылся рукавом – хоть и узка щель в простёганном капюшоне, а лицо ледяные порывы режут точно ножом. Руками в толстых, медвежьего меха, варежках вцепился в поперечную жердину перил – того и гляди, вниз сдует! Щурясь, парень огляделся.

Тьма, тучи, снежные звери в воздухе расплясались, разгулялись в диком танце, так что ни зги не видно. Ближнего леса край – и тот утонул во мраке. В ушах только свист ветра...

Морозные струйки медленно, но верно пробивали себе дорогу к телу, обходя все преграды, точно искусное войско. Сколько ни надевай на себя шерстяных рубах да меховых курток, холод всё равно тебя достанет. Долго на вышке не прстоишь. Отец это знает, и, значит, смена вот-вот появится...

И тут в самой середине мятущихся снежных облаков внезапно вспыхнула ярко-алая звёздочка. Армиол обмер. Красный сигнал, сигнал общего сбора! Такого он на своей памяти ещё ни разу не видел. Белые – часто (и самому дважды такие подавать случалось), это чтобы на помощь соседей ближних позвать. Жёлтые – трижды, тогда два-три хутора поднимаются. Ну а уж красный огонь возжечь – это значит, дело до края дошло. Спешите все, кто увидит, или мы погибли!

Парень кубарем покатился вниз по обледенелым ступеням. Вихрем промчался по пустым горницам и, себя почти не помня, ввалился в общую.

– Отец... – слова на губах стынут, – отец! Красный огонь у Нивена!

Все так и обмерли. Красный огонь! Это значит – быть битве для всех насмерть. Тут уже не до счёта жизней.

Аргнист вскочил. Лицо жёсткое, за окладистую бороду себя дёрнул и взмахнул рукой. Молча. Для чего слова-то? И так всё ясно. Умирать идём, братцы!

Бабы взвыли дружно, ну ровно сговорившись. Даже Деера и та вздрогнула и губу прикусила. Ох, затевать по заре похороны!

Оружием звеня, двинулись. Конюшню к тому времени уже поднагрело – не зря Аргнист велел заслонки открыть, тепло, от детей отрывая, к боевым коням гнать. Сквозь такую бурю только на коне и проберёшься. Вернее, на нашем коне. Он, конечно, на всем привычную лошадь очень похож, только раза в полтора крупнее. Весь мехом покрыт, так что стужи, почти-тай, и не боится. Но чуднее всего ноги. Могут и копытами обернуться, и мягкими, широкими пластовнями-лапами, что по любому снегу пройдут. Конь этот может сугробы и грудью таранить, и поверх пробираться. И в бою ему цены нет – все бока и грудь в роговой броне, словно у настоящего дракона, только шерстью поросшие. Стрелы отскакивают, да и в Орде тварей, чьи зубы или когти этот панцирь осият, раз, два и обчёлся. Хвост гибкий, с роговым клинком на конце – одним движением кабана пополам рассекает. Рыцари из Ордена Звезды, что рубеж свой на юге держат, за такого коня несчётные деньги предлагают. Да только не найдётся никогда хуторянина, чтобы на золото их польстился. Потому как те рыцари – они, конечно, с Ордой воюют, на юг её не пускают. Но губа и у них не дура: новые земли к рукам своим загребущим прибрать. Дрались с ними хуторяне не раз в прошлом – и до Орды, и при Орде уже, до тех пор, пока король великий, Грейстард, не взял северных земледельцев под свою руку. Воистину великий король был: и рыцарей приструнил, и оружием помогал, и даже колдунов придворных слал...

Со скрипом отодвинулись тяжёлые, из дубовых брёвен в полный обхват, ворота. Сугробы намело такие, что на петлях створки не повернуть было бы и десятку богатырей. На всех хуторах ворота не открывались, а отодвигались в сторону сложной системой канатов и блоков.

Открылся чёрный провал. Снег крутится, мечется, ровно неупокоенная душа отцеубийцы. Ну, копыта на руку, щиты за спину – вперёд, братья!

Хрипя и рыча, словно голодные волки, кони рванулись вперёд. Им всё едино – снег ли, ветер или вообще светопреставление. Особенно если хорошо кормлены и перед дорогой согреты. Теперь – короткой, торной дорогой к хутору Нивена. Конечно, завсегда лучше всем многолюдством наваливаться, но, когда дело о стольких жизнях идёт, не до высоких воинских искусств. Орду задержим – и то ладно.

Миновали поля. Коня на лапах своих идут по сугробам, словно по земле твёрдой. Всадники все как один головы капюшонами накрыли – им на дорогу смотреть нечего, кони сами

путь отыщут. Побереги глаза до соседского хутора, воин. Там капюшоном от ветра не отгородишься.

Пошли Лесным Пределом. Тут ветер как будто чуть приутих – вековые деревья, сосны да ели, какая ни есть, а всё ж защита. Отринь мысли тёмные, воин. В бой надлежит весёлым идти, как на свадьбу, тогда и враг перед тобой отступит, коли поймёт, что Костлявой ты не слишком страшишься... Ну а ежели худшее случится – ранят тебя или с коня стащат, – то помни, что в подшлемнике ягода волчегон вшита. Раскусишь её – и всё. Тихо, без боли, без страданий уйдёшь.

Быстро бегут откормленные, сильные кони. Знают, что впереди битва, и оттого наддают ходу, сами, без понуканий. До соседского хутора полчаса хорошего конского бега. А сейчас, с поспешанием, и того быстрее доберёмся...

Армиол же, сам горячий, своего скакуна горячит ещё больше, мало что вперёд отца, Аргниста, вырываясь. Смелый парень. Себя не щадит, в бою об осторожности не думает. Уж Аргнист его и словесно вразумлял, и вожжами даже поучил – всё без толку. Рвётся парень в самую гущу, строя не держит, спину открытой оставляет... Братья уже дважды спасали, а ему всё не впрок. Вот и сейчас – Аргнист покосился неодобрительно, но сказать уже ничего не успел – раздвигаются деревья, в стороны расступаются, и вот они, поля соседские, вот он, Нивена хутор!

И – Орда вокруг него.

Они успели вовремя. На поле светло как днём; не жалеет Нивен горячего порошка, хоть и скуп, а знает, что сейчас время все запасы в дело пускать. Продорожишься – жизнью расплатишься. Первый частокол весь горит; ров дохлыми тварями Орды завален; видно, где Защитник проходил. А нивенские все уже внутри, со вторых стен отбиваются. И, видно, дело их худо. Хоботяры на крышу пытаются вскарабкаться, жуки-стеноломы нижние венцы срубов ломают, многоглавцы ядовитым дымом плюются (Защитник-то где?! Этих-то тварей он к хутору подпускать никак не должен был!), рогачи живой примет строят, чтобы, значит, шестилапых зубачей наверх запустить. Клювокрылы в воздухе выются, выжидают, когда кто-то во дворе на открытом месте покажется. Вот они-то первыми и пожалуют. Аргнист резко натянул поводья.

– В круг! Лучники! Готовься! – никак от старой своей речи не отучится. Всё по привычке командует, ровно новобранцами на плацу. Народ и без того знает, что делать...

Заботливо сберегаемые охотничьи луки растянуты до самого уха. Стрелы боевые, оголовки гномами кованы – давно замечено, что подгорную сталь Орда не любит куда больше человеческой; вот клювокрылы расчихали наконец, что к чему, развернулись, пасти пораспахивали – клыки у них алым огнём горят, чтобы, значит, испужать верней – и вперёд.

Аргнист уронил руку, и тотчас же в вой ветра вплелось дружное и злое пенье десятков спущенных тетив. Северным охотникам никакой ветер прицела не собьёт. Выстрелили хорошо, дружно, стрелы ушли кучей, и добрых три четверти воткнулись в широкую грудь клювокрылого вожака. У него хоть тоже чешуя роговая на теле, да только тонковата она супротив стрел, тонковата! Ишь, крыльями забил, набок завалился... всё, сейчас в снег сядет... и верно! Сел! Ну, теперь докончить!

– Арталег!.. – Аргнист в стременах привстал, капюшон откинул, вперёд смотрит. Знает, средний сын с клювокрылом сам справится – он и его десяток. А у Аргниста сейчас на уме другое – понять, куда этой Орде ударить, да так, чтобы её от вторых стен оттянуть, пока остальные отряды не подоспеют!.. Скорее, скорее решай, сотник! Из бойницы хутора уже факелом тебе на шесте машут – дескать, атакуй скорее, мочи нет держаться!..

Что ж, дело ясное. Через снесённые ворота к тому месту, где рогачи свой примет возводят. Там опаснее всего, первое ворваться негде.

Вновь Аргнист руку взбросил. Молча, без слов. И дал коню по бокам.

Арталег тем временем со своими подбитого клювокрыла окружили и, не рискуя попусту, мечут в спину твари обоюдоострые секиры, каждая на кожаном ремне, чтобы выдернуть можно

было и в руку вернуть, к зверю не приближаясь. Клювокрыл – тварь живучая и хитрая, но ежели в самом начале драки их вожака завалить, остальные как-то теряются, трусят и в бой не ввязываются. Но вот если по вожаку промазать...

Аргнист же тем временем свой клин к воротам повёл. Тварей и тут хватало, но по большей части мелочь – кони с такими сами справляются. Змеи какие-то многоногие, ящерицы двуглавые, черви в руку толщиной... И прочая мерзость, которую описывать – никакого пергамента не хватит. Все какие-то с причудинкой: нога от одного зверя, хвост от другого, туловище от третьего, а голова и вовсе только в страшном сне приснится. Словно лепили её из глины, лепили, эту голову, а потом рукой махнули, несколько раз об стену швырнули, ногой пнули да о порог шмякнули, а потом уже в печь сунули...

До ворот конники Аргниста дошли, как нож горячий сквозь масло, – Орда не успела перестроиться. Копья вспарывали светло-серые панцири броненосцев, топоры разрубали черепа прыгунов-кусачей, кони хвостами и грудным рогом расчищали путь дальше. Со стен хутора пытались помочь. Верно, Нивен бросил в дело последний запас. Но где же, во имя Ракота Милостивца, где же Защитник Нивена?!

А Орда уже смекнула, в чём дело. Рогачи проворно рассыпали с таким трудом наведённый помост и, нагнув рога, ринулись в контратаку. Хоботяры опустили лапы-хоботы и тоже развернулись к дерзким пришельцам. Четыре десятка всадников оказались в полукольце. Открытым оставался лишь путь отступления к воротам. Обычный план – ворваться и двинуться вдоль стен навстречу Защитнику – не сработал.

Ну, братие, дело будет жарким! Пятимся, пятимся, копьями тычем; кто там назади тетивы рвёт, ежели рогачу или там хоботяре стрелы в гляделку ихнюю вогнать, считай, они уже из дела выбыли. Прёт и прёт сплошная стена: рога, клювы, пасти, когти, морды оскаленные, щупальца мохнатые – дряни-то, Хедин, сохрани и помилуй! Умно прут, строя не разрывая. Копья их сегодня не остановят. На мечях уходить придётся.

Тут, правда, подмога приспела – Арталег со своими. Верно, клювокрыла добили – и к воротам. Арталег ревёт, ровно медведь при случае; топором одному рогачу голову снёс, копьём броненосца проткнул – древко в туше осталось...

Всадники Аргниста отступали. Тесным, сомкнутым строем, выставив перед собой частокол пик. Через головы передовых часто били лучники.

Рогачи, хоботяры, ногогрызы, костоглоты, броненосцы, брюхоеды, стеноломы, главопасти – все они наступали в строгом порядке. Другая часть Орды продолжала штурмовать хутор, чтобы осаждённые не смогли подать помощи всадникам Аргниста. У чудовищ всё делалось словно в хорошем войске – каждый знал свою задачу и выполнял её свято.

Но, как бы то ни было, одно Аргнисту уже удалось – он отвлёк на себя часть сил Орды и тем самым облегчил положение окружённых. Теперь следовало выманить тварей подальше в поле: там легче дать бой, когда подоспеют на подмогу соседи. Однако старого сотника неотступно мучила и ещё одна загадка – где же всё-таки Защитники Нивена? Их ведь в каждом хуторе пара – службу несут, сменяясь, а уж если что-то серьёзное, оба в дело вступают. И редко, очень редко было, чтобы хоть один из Защитников погиб.

Хорошо обученные кони пятятся шаг за шагом. Древки копейные давно в кровище – синей, чёрной, Бог весть в какой; и воняет она гадостно. Спина пока прикрыта – держимся, братие! Вот только где же подмога? Самое время соседям бы приспеть... Армиол, младший Аргнистов, глянь-кось, опять вперёд полез. Неймётся парню. Жадный до боя – спасу нет. А так робкий, тихий, никто и не скажет, что хозяина сын. Девку ни разу не щупал – стесняется.

Зато на поле смертном мало кто его переможет. Вот и теперь рогац один чуть дальше, чем надо, из строя высунулся, шею толстую, всю в складках зелёной, жиром лоснящейся шкуры открыл, а копьё Армиола тут как тут. Аккурат в ярёмную вену, так что кровь чёрным фонтаном брызнула. Смерть чуя, взревел рогац, вперёд дуrom посунулся, ну и получил тотчас. Секиры Армиол мечет, что твоя вышивальщица узор на ткань бросает. Тут ведь силы особой не надо, для секиры-то; главное – закрутить как следует. Лезвие у неё скруглено, так что она не просто рубит, а скорее даже режет, ну, как сабля хорошая...

Алорт, старший, на правом крыле тоже не отстаёт. Рванулся вперёд было один хоботяра, из тех, что посмелей, до человечины самый жадный, справа у него броненосец клыки скалит, слева брюхоед зенки, мраком налитые, вылупил, между лап у него пара ногогрызов, а сверху, на спине, костоглот примостился – атака честь по чести. Молодой конь одного из мужиков замешкался что-то, и твари уже рядом. Заржал конь, дико заржал – понял, что наделал, хозяйина в самые лапы к Костлявой привёз – и хвостом ударил. Аккурат хоботяре по глазу. Лопнула жуткая гляделка, хоботяра взвыл и хоботом своим цап коня! Хорошо, успел тот всадника сбросить... Но, как ни крути, строй нарушился. Пришлось Алорту собой прореху затыкать...

Алорт коня на дыбы – и копьём хоботяре во второй глаз! А секирой, что на ремне, броненосцу в рыло! А конь его, Жардан именем, тот костоглота, вперёд метнувшегося, на рог грудной поймал. Хоботяра ослепший ударил лапами – древко копейное, ровно лучинка, переломилось. Броненосец зарычал, захрипел, забулькал – рыло у него раскрытое, там, где пасть была, сплошная рана зияет, – поднатужился, поднапружился и вторую пасть выдвинул. Правда, уже меньше прежней. Но тут мужики Алортова десятка навалились, взяли тварь на копьё. Ногогрыза одного Жардан затоптал, второй сам убёг. Брюхоед, правда, остался – прёт и прёт себе. У них, брюхоедов, известное дело, рассудительности меньше, чем у моли. Только и умеют, что вперед ползти да жрать всё, что по пути попадётся...

Ну, когда он один остался, тут ему конец и пришёл, брюхоеду этому. Два копьё в шею вогнали, да и Алорт секирой добавил. Хоботяра же с буркалами выбитыми назад повернул – хоботяры, они сообразительные...

На первый взгляд покажется, братие, что с Ордой драться – ума большого не надо. И зачем Защитники, мол, коли сами тварей накрошили немерено? Так-то оно так, да на деле совсем не так. Тем и страшна Орда, что можешь ты свалить этих броненосцев и одного, и двух, и трёх, а из леса к твоему хутору будут всё новые и новые ползти. Так и возле нивенского хутора обернулось...

Пять десятков всадников Аргниста оказались вытеснены в чистое поле. Кольцо вокруг них стремительно сжималось. Из крутящихся снежных вихрей, словно чудовищный ночной кошмар, одна за другой возникали всё новые и новые шеренги тварей Орды. Большинство ковыляло мимо, к горящему с одной стороны хутору Нивена. Несколько мгновений – и Аргнист велел перестроиться, заняв круговую оборону. Продержаться совсем немного... Харлаг, Дромар, Эргаст вот-вот подоспеть должны. И тогда...

Не получают, братие, против той Орды лихие верховые атаки. Как бы быстро ни мчался ты по полю, Орда тебя всё равно остановит. Она ведь потерь не считает. Ей всё равно, сколько тварей сегодня ляжет, – завтра из лесов новые выползут. Упрешься рано или поздно в осклизлый барьер копьёями твоими пропоротых туш и остановишься. А Орде только того и надо. С боков да со спины нападать – на это её твари известные мастера.

Первым подоспел Харлаг. У него хутор большой, восемь десятков в седло садятся. Он, хоть королевским воином никогда и не был, Аргнистовы наставления слушал внимательно – и ударил как подобает. В спину тем, что лезли на кольцо всадников старого сотника.

Плотный клин конных копейщиков смял, раздавил и разбросал в разные стороны накатившую было волну чудовищ. Оставил на своём пути лишь истоптанный, залитый дымящейся кровью и заваленный изрубленными, исколотыми тушами снег. Широкоплечий бородач с окладистой бородой мало что не до пояса приветственно махнул рукой.

– Хо, Аргнист! Красный огонь увидел? Я вот тоже как заметил – сразу сюда. Что здесь делается-то, а? Защитники где? Куда ударим?

– Защитников не видать, – старый сотник едва мог перекричать вой и свист непрекращающейся бури. – Ударим к воротам. Я там уж был – вынесли... Если Орду от стен не отбросим, Нивену каюк.

– Да неужто он обоих Защитников потерял? – подивился Харлаг, поглаживая бороду. – Отродясь такого не припомню!

– Я тоже, однако ж не видел их никого. Всё, братие, пошли, веди своих!

Теперь в клине шло тринадцать десятков тяжеловооружённых всадников. Харлаговы заорали, требуя их вперёд пустить, – мы, дескать, свежее. Ударили. Второй раз разбросали сонмище тварей перед собой, второй раз выстлали снега чёрным ковром, второй раз вломились в ворота – и вовремя.

Потому что жуки-стеноломы уже прошибли железными лбами своими два широких пробова во внутренних стенах, стали видны вскрытые внутренности хутора. По обледелым брёвнам вверх ползли ногогрызы, костоглоты и прочая мелкота; за ними скапливались броненосцы, а поверх их широких щитов готовилась к решительному натиску кавалерия рогачей. Хоботяры не показывались – верно, атаковали хутор с противоположной стороны. Это у них в обычае, даже, можно сказать, в крови: всегда только с двух сторон бить.

Всадники по пять-шесть разом протискивались в ворота. Орда уже выстроила обычный оборонительный порядок; основой его, станovým хребтом стояли рогачи, наклонив лобастые головы с длинными заострёнными рогами. Рога эти не простые, каждый может удлиниться и укорачиваться – ну ровно человек копьём бьёт. Правда, пока это у них ещё чуть медленнее выходит, чем у человека, и в том спасение наше, братие!

Внешний частокот хутора всё ещё горел, из защиты превратившись теперь в помеху – из-за него всадники не могли развернуться. Но делать нечего. Придётся и на рога идти.

– На харга брать придётся, – рявкнул Харлаг. – Эй, копыта!..

В высоком и узком окне стены хутора мелькнула еле заметная во мраке фигурка – девчушка с факелом. Простоволосая, в одной меховой выворотке, высунулась по пояс и заголосила:

– Сосе-еди! Спаса-ай-те! Орда уже внутри-и-и!.. – Слова её превратились в истошный визг. Факел зашатался, на мгновение показалось мохнатое щупальце, ухватившее девчонку поперёк туловища, и понятно стало: раздаётся там сейчас утробное урчание, треск, дикий визг и глухое ритмичное уханье. Хоботяра дорвался. Девчонку снасиловать для этих тварей первое удовольствие, сильнее даже, чем пожрать. И вся снасть мужская у них для этого имеется.

Тут-то, братие, кровь в голову и бросается. Тут-то, братие, в глазах-то и темнеет. Тут-то, братие, душу и скручивает так, что уже ни рогов, ни клыков не замечаешь. И, ярость твою чувствуя, кони тоже ярятся. На рогачей идут, словно на костоглотов каких-нибудь.

– Режь!!! – взревел Харлаг, да так, что даже ордынские твари опешили – отшатнулись. Хуторяне бросились вперёд, не думая больше о собственных жизнях. А такое редко бывает. Кони и рогачи с броненосцами и брюхоедами сшиблись грудь в грудь; на утопанном снегу внутреннего хуторского двора лапы стали не нужны, и скакуны обратили их в копыта – острые, убийственные, смертоносней лосиных. Локран, конь Аргниста, вонзил грудной рог в горло рогачу; вонзил, выдернул, вновь вонзил... Аргнист, метнувшийся навстречу, рог отвёл щитом и копьём твари в глаз, да так, чтобы рожон остриё из затылка выставил... Под ноги Локрану

пара костоглотов бросилась – одного конь копытом разможил, другого мечом зарубил сам сотник, с седла перевесившись.

И сломали, смяли плотный ордынский строй хуторяне! Грудь в грудь ударили, кровью своей снег окропили, но прорвались. И хотя взяли рогачи кое-кого – и людей, и коней, – поздно уже было. Кто впереди оказался, тот тварям Орды в спину ударил. Погуляли рогатины да секиры по чешуйчатым спинам, поносили мечи уродливых голов всласть! И кони не отставали. Костяными жалами своими куда как лихо панцири броненосцев вскрывали...

Разделившись на два потока, всадники огибали хутор, рубя и пронзая копьями всё, что могли. Защитников по-прежнему видно не было, а вот проломов и пробоин в стенах хутора обнаружилось предостаточно. И внутрь уже прорвалось немало тварей Орды.

Горящий частокол с треском рушился, к небу взлетали фонтаны янтарных брызг, тотчас же уносимых ветром в глухую и морозную ночь. Снег истаявал, исчезая под натиском щедро разлитой по нему горячей крови. Дымящиеся внутренности волочились за умирающими тварями Орды, стонавшими в предсмертной агонии совершенно неотличимо от людей...

Аргнист повернул своих. Примерно три десятка воинов, спешившись, ринулись внутрь самих хуторских строений. Полы скользки от пролитой и успевшей замёрзнуть крови. Мертвая туша рогача... разрубленный молодецким ударом надвое броненосец. Три или четыре костогрыза с разможжёнными ударами молота черепами... а вот и их победитель – кузнец Маргат, добрый кузнец, с наполовину выпотрошенным животом лежит, раскинув руки, рядом – пудовая кувалда... Дальше, дальше, дальше... брюхогрыз, в спине сразу три копыа... женщина средних лет, лицо снесено начисто, рядом, с секирой в черепе, главопасть...

А вот и они – живые. Шевелящаяся, визжащая, вопящая стена схватки. Узкие коридоры, где едва размахнёшься мечом, залитые кровью уже не только полы, но и стены, и потолки...

Нивенские ещё держатся. С трудом, но ничего – мы-то уже здесь, братья!..

И с налёту, с размаху, от всей души, всей силой ярящей тебя ненависти – копьём в бугристый затылок рогача, или в уязвимое надхвостье броненосца, или в бок брюхоеду, куда угодно, лишь бы побольше чёрной крови! Твари дёргаются и бьются, а ты шагаешь через них, и вновь замахиваешься, и вновь бьёшь, платя тварям Властелина Тёмного в такие мгновенья за всё: за убогую, унылую, безрадостную жизнь, в постоянном унижительном страхе, за похищенных и сожранных детишек, за осквернённых девушек, за разорённые родовые гнёзда, за смерти... за всё. Ты платишь по высшему счёту.

Вмиг искрошив со спины тех тварей, что напирали на нивенских домочадцев, воины Харлага и Аргниста бросились искать самого хозяина. Потому что Защитников нет... и каким бы невероятным это ни представлялось, похоже, оба они погибли... а это значит, что Нивену теперь решать, драться ли его хутору дальше (а без Защитников он не продержится и одной ночи, соседей каждый раз красным огнём звать не станешь), или же сказать: «Всё. Уходим».

А тем временем на улице продолжался бой. Орда не признаёт поражений. Её невозможно победить – только отбросить на какое-то время. Она всё равно вернётся. Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, но вернётся.

Командовал Алорт, старший сын Аргниста. Ему повиновались и воины-родовичи, и приведенные Харлагом бойцы. Едва ли Нивен рискнет остаться в этих развалинах, а это значит – нужно расчистить дорогу отхода, когда повезут на санях уцелевшее добро, детей, баб, стариков...

Дромар и Эргаст подоспели вовремя. У них отряды всего по три десятка, но в таком бою каждое копьё на вес золота, как у гномов говаривается. Опытные воины, новоприбывшие сразу смекнули, в чём дело, ударив по Орде с тыла и расчищая самый естественный и короткий путь отхода – дорогу на хутор Аргниста.

Аргнисту повезло. Он добрался до Нивена быстрее, чем трое шустрых ногогрызов в компании с броненосцем и главопастью. Главопасть, самую опасную из всех, рубанул секирой

(копье давно сломалось в схватке), броненосцу вогнал меч под складку панциря, ногогрызов же одного за другим прикончил сам Нивен.

– Уф, сосед, ну задал же ты нам работёнки. – Аргнист снял шлем, утирая мокрый лоб. – Защитники-то где?

– Нету их больше, Аргнист, – Нивен хлюпал носом, слова вырывались сдавленные и неразборчивые. – Нету, понимаешь? Обоих. Полегли вмиг. – Он плакал, не стыдясь.

Лицо у Нивена красное, обветренное, морщинистое, а вот бородёнкой он не вышел – реденькая она у него, словно у песчаного гнома. Глаза глубоко посаженные, хитрые, и шрамов на лице куда меньше, чем у Аргниста.

– Полегли вмиг? – поражается Аргнист, вновь надевая железный колпак. – Да как же такое может быть?..

– Может, сосед, может, – Нивен усмехается криво, мёртво, – новая напасть подвалила. Сперва решили – рогачи; ан нет! Руки у них человечьи и силы необычайной. Защитники всё равно с ними покончили, но и сами не выжили!..

– Плохо дело, – медленно произнёс старый сотник.

Дело Нивена и впрямь обстояло хуже не придумаешь. Бросай теперь насиженное место, уводи народ, проси соседей ближних да дальних приютить, не дать сгинуть несчастным... И сам себе тёплый угол ищи, чтобы не под елью сдохнуть... Хотя многие именно это и предпочитали, не снеся позора.

Потому что места у чужих очагов так просто не достаются. Твоих хуторян разбросает по всей округе – туда две семьи, туда три, – больше уже не соберёшь. Войдут в новые кланы, им присягнут на верность. И займутся самой грязной и чёрной работой, какая только есть на хуторах, сменив своих предшественников... Так что золотарю Фрафту недолго отхожие места чистить. Другие желающие найдутся. Потому как зимой в Лесном Пределе ты или на хуторе кроешься, или, извини, воронов собой кормишь, если, конечно, волки раньше не доберутся.

Знает всё это Нивен, и потому, хоть бой и выигран, хоть Орда и отброшена – Арталег подоспел с донесением, – плачет он, слёз не утирая. Нищим сидельцем быть ему теперь, и кто знает, останется ли с тобой хоть кто-то, кроме жены...

Аргнист молчит. Говорить сейчас нельзя. Такое горе словами не лечится.

– Созывай своих, – говорит наконец старый сотник. – Всем по домам пора. Не ровён час, сам знаешь...

– Погоди, Аргнист... – Глаза у Нивена сейчас совершенно бешеные, ровно у того, кому на смертном поле сейчас в погибельную атаку идти. – Погоди, сосед! Об одном тебя молю – дай мне до завтра время. Подумать, покумекать, с молодцами моими потолковать. А завтра, ежели что...

– Ты что же, завтра снова красный огонь зажжёшь? – нахмурился Аргнист. – Снова соседей собирать будешь? Смотри, сосед, расплатиться не сможешь! А без моих да Харлаговых парней как ты через леса пройдёшь?!

– Сосед... – Глаза у Нивена кровью налиты, чувствуется – на всё человек сейчас пойдёт. – Сосед, Богами Новыми, нас хранящими, Хедином Всесвященным да Ракотом Милостивцем, тебя заклинаю – дай мне до завтра срок и обещай, что, если позову, на помощь придёшь! Невмочь мне в приживалы идти! Лучше уж самому на рогача с голыми руками выйти! Повремени! Дай отсрочку! Быть может, придумаем мы, как без Защитников держаться! Бьём же ведь Орду мы в поле, верхами! Сам ты и бьёшь! Так неужто не в силах мы крепкое место одни отстоять?!

Видать, человек от горя в уме повредился – такое несёт. Аргнист только головой покачал.

– О бабах да о детишках подумай, Нивен, – жёстко говорит старый сотник. – Не о себе сейчас помысли – о других! Гордость свою смири! Не расплачивайся за неё чужими жизнями! Ребятишек бы пожалел!

– Отказываешься, – шипит Нивен, сжимая кулачищи, а они у него что твои кувалды. – Ну, давай, давай, Аргнист, сын Гортора! То я тебе ещё попомню. Попомню, слышишь?!

Старый сотник только плюнул с досады.

– Видать, сосед, ты и впрямь ума последнего лишился. Делай как знаешь. А я пошёл. Сожрут тебя за завтрашний день – на себя самого пеняй.

Аргнист повернулся – и прочь. Арталег – за ним.

– Отче, дозвошь спросить?

– Давай спрашивай, – ворчит Аргнист, немилосердно кусая вислый ус.

– Отче, а зачем ты Нивена отговаривал? Пусть бы рискнул. Что, трудно было б нам лишний раз до его хутора стогнать? Вон сегодня потерь нет, только Капроду шею поранило. А так, глядишь, Нивен попробовал бы, а мы потом у него, коли что получится, так переняли бы. А прикончили бы его твари – что ж, значит, на то Хедина высокая воля...

– Да ты что, ягоды волчьей объелся, что ли? – в ярости поворачивается к сыну Аргнист. – В уме ли ты, сыне?! Хутор народа полон! Баб пять десятков! Малолетки, груднички... всех их Орде на прокорм?!

Арталег аж попятился – не ожидал от отца такого. И чего это старому в голову ударило? Какое ему, Арталегу, дело до нивенских? Да пусть они все в распыл пойдут, сытью ордынской сделаются! Лишь бы свой хутор жил. И это главное. Арталег плечами повёл, однако же отцу перечить не решился. Голову склонил, руками развёл – виноват, мол, по неразумию ляпнул...

Отец и сын вышли из наполовину сожжённого, наполовину размётанного хутора на двор. Все были при деле. И Аргнистовы, и Харлаговы, и Дромаровы с Эргастовыми потрошили туши чудовищ. От неё, Орды распроклятой, тоже порой прибыток случается. Печень рогача – отличное целебное средство: и от живота помогает, и при ранах гниющих. Клыки хоботяры, ежели их истереть и с мёдом липовым пить, при лихорадке первое дело. Ногогрыза панцирь, измельчённый, с мелко рубленным лёгким броненосца варенный, очень хорош, когда с юга чёрное поветрие приходит. За такое снадобье в лихие годы, когда болезнь эта по Северному Хьёрварду гуляла, громадные деньги платились. У Аргниста ещё с тех времён увесистый мешок королевских грифонов остался...

Что там за шум?... А, ну так и есть – Аргнистовы с Дромаровыми двух ногогрызов и броненосца не поделили. Аргнистовы шумят – мы, мол, тут раньше всех были, пока вы там ещё баб своих по лавкам мяли, а Дромаровы доказывают, мол, наш наконечник в туше застрял... Ну, с Дромаром-то мы управимся. Пусть доволен будет, что вообще к делёжке допустили...

Аргнист подошёл, пару раз рявкнул, и Дромаровы, хвосты поджав, восояси подались. А нивенских как не было, так и нет; ужели ж Нивен и впрямь решил здесь оставаться?!

Вот и разделку закончили, вот и трофеи в седельные сумы упрятали, трогаться пора, а старый сотник всё медлил. Не по-людски это – добрых полторы сотни народа на верную смерть бросить. Сейчас, сейчас полезут воюющие бабы с ребятей, мужики пожитки на волокуши грузить начнут, и тронется хутор.

Подошли Харлаг, Дромар и Эргаст.

– Чего они мешкают-то? – прогудел Харлаг. – Мне ещё обратно путь неблизкий. Дромар, ты скольких возьмёшь?

– Да десятка полтора, больше не смогу, – покачал головой тот.

– Эй, соседушки мои милые, слушайте!

Нивен стоял на остатках наполовину разнесённого рогачами крыльца. Ни по виду, ни по осанке нельзя было сказать, что человек этот собрался умирать. Держался он прямо, говорил гордо – ровно Нивен прежний, первый богач в округе.

– Спасибо вам за помощь, соседи. Что с нас положено, заплатим. Хотите золотом, альбо работой – как скажете. Но по хуторам иным мы разбежаться не станем! Тут останемся. Попробуем без Защитников сдюжить. А коли не сдюжим, всё лучше, чем чужое дерьмо грести.

– От те на, – пробормотал Харлаг, сдвигая шлем и всей пятернёй яростно скребя затылок. – Да не хлопнуло ли тебя по головушке чем, Нивен?

– Спасибо, Харлаг, сосед дорогой, что о здоровье моём так заботишься, – нет, не хлопнуло. И не один я – все мои так думают. Ну, давайте говорите, кому что от нас надобно!..

Хозяева хуторов переглянулись. Видно, плохо дело. Порченным Нивен сделался. Тут уже никто, кроме колдуна хорошего, не поможет, да и где его, колдуна этого, сыскать-то? Травницы в каждом хуторе есть, да только здесь они не помогут.

Харлаг первым опомнился. Вздохнул, плечами пожал...

– Я грифонами возьму.

– И я, и я тоже, – Эргаст с Дромаром вторят.

Понятно почему. Завтра накроет Орда нивенский хутор, без Защитников оставшийся, – с кого тогда работу положенную требовать? Разве что с рогачей... Золото – оно надёжней.

Плюнул Аргнист, рукой махнул и тоже взял свою долю тяжёлыми кругляшами. Нивен, конечно, всё понял, усмехнулся, но ничего не сказал.

Всё, дела закончили, разговоры разводить не стали. В сёдла – да по домам. Ветер начал понемногу утихать, тучи разошлись. Над чёрной иззубренной стеной недалевого леса поднялась луна, стало чуть лучше дорогу видно. Аргнист сел в седло, устало махнул рукой, и совсем не поредевший отряд тронулся в путь. На сердце у старого сотника было черным-черно: народ последнего ума лишился... помирать все вздумали... ну, не станет завтра нивенского хутора – кому от этого лучше?..

И вроде бы бой удачно кончился, убитых нет, один Капрод раненый. Редко такое удаётся, чтобы ни одной бабе по возвращении отряда выть по покойнику не пришлось, радоваться бы старому сотнику, а ему впору к болотным ворожеям идти, душу закладывать, чтобы от лютой печали-тоски избавили. Чёрная ночь на сердце, ровно камень неподъёмный. И ничем уже этому не поможешь – терпи, сотник!

За помыслами невесёлыми и не заметил, как отряд до родного хутора довёл. За ворота въехал, поводья мальчишке кинул – всё! Пропади оно всё пропадом! Теперь первое дело – в баню. А потом к Деере на подушку. Или... кого из молодых бабёнок сперва позвать? Деера, она по женской болести теперь только постель греть и может, но что мужику без бабы никак – это она понимает. Да ей и говорить ничего не надо, сама кого ни есть приведёт... С этими мыслями Аргнист и ступил на крыльцо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.